

- Согрин 2013** – Согрин В.В. Центральные проблемы истории США. – М.: Весь Мир, 2013.
- Согрин 2010** – Согрин В.В. Исторический опыт США. – М.: Наука, 2010.
- Согрин 1980** – Согрин В.В. Идейные течения в Американской революции XVIII в. М.: Наука, 1980.

Vladimir A. Shihov

ALTERNATIVES OF THE POLITICAL DEVELOPMENT OF THE UNITED STATES IN THE LATE EIGHTEENTH CENTURY

The article is devoted to the political alternatives of development of the United States between the War for independence and the election of the third President of the United States in 1800. The article talks about the confrontation between democratic, Republican, on the one hand, and monarchical, authoritarian elements in the process of building the American state. Analyzes the reasons for the prevalence of those or other political forces on the American domestic scene in the late eighteenth century, are considered vectors of development of American society.

Key words: Philadelphia Convention, the Constitution of 1787, Federalists, Jefferson's Republicans, the presidency of the United States.

DOI 10.26170/vvi17-01-35

Код ВАК 07.00.02

Г. Н. Шумкин, Т. Г. Шумкина

СОЦИАЛЬНЫЕ ЛАНДШАФТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

В статье в качестве инструмента анализа социальных структур предлагается использовать понятие «социальный ландшафт». Предпринимается попытка выделить социальные ландшафты Российской империи середины XIX в. на основе специфических сословных групп. Делается вывод о значительном эвристическом потенциале данного инструмента.

Ключевые слова: Российская империя, сословия, социальный ландшафт, социальная структура, состояние.

Шумкин Георгий Николаевич, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения РАН (620990, Россия, Екатеринбург, ул. Ковалевской, 16); кандидат исторических наук.

Georgy N. Shumkin, senior researcher of Institute of History and Archaeology, Ural branch of the [RAS](#) (620990, Russia, Ekaterinburg, Kovalevskoj Street, 16); PhD.

Телефон/Phone: +7 (343) 374-53-40. Электронная почта/E-mail: shumk@mail.ru

Шумкина Татьяна Геннадьевна, доцент кафедры философии и политологии Уральского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и

Социальная структура Российской империи, как правило, рассматривается в виде иерархии сословий. При этом в пространственном измерении она представляется достаточно однородной – дворян, священников, представителей городских сословий и «сельских обывателей» можно было найти в любой губернии или области Империи. В качестве исключений, лишь подтверждающих правило, указываются казачество и инородцы. Однако при этом упускается из виду два обстоятельства. Во-первых, имперский период был временем активного расширения российского государства, в его состав были включены территории, обладавшие своей оригинальной социальной организацией и своими правовыми традициями (Прибалтика, Крым, земли Речи Посполитой, Бессарабия, Финляндия, районы Северного Кавказа, Закавказья и Центральной Азии, острова Тихого океана, Аляска и др.), и далеко не все местные социальные группы были инкорпорированы с сетку российских сословий. Во-вторых, осваивая обширные пространства, государство создавало специфические (как правило, профессиональные) группы, которые, благодаря набору особых прав и обязанностей, передаваемых по наследству, благодаря барьерам проникновению извне и выходу из этих сообществ, обладали признаками сословий.

В данной работе предпринимается попытка выделить социальные ландшафты Российской империи в 1850-х гг. – в то время, когда сословно-правовая структура достигла апогея в своем развитии. Термин «социальный ландшафт» введен в научный оборот сравнительно недавно и потому общепринятого определения не имеет. Его используют как метафору для общества, проживающего на конкретной территории. Отталкиваясь от дефиниции ландшафта, используемой в географии («ландшафт» – с немецкого «образ земли» – это территория, однородная по происхождению, строению, рельефу, биоценозам и др. признакам), определим социальный ландшафт как общественную структуру, специфическую по происхождению и по организации, локализованную на определенной территории. Критериями для выделения социального ландшафта является наличие на данной территории уникальных, присущих только ей социальных групп, а также наличие специфических, имеющих силу только на этой территории законов, регулирующих права и обязанности этих социальных групп.

государственной службы при Президенте Российской Федерации (620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, 66); кандидат исторических наук, доцент.

Tatiana G. Shumkina, associate professor of the Department of philosophy and political Sciences of Ural Institute of management – a branch of Russian Academy of National Economy and Public Administration at the President of the Russian Federation (620990, Russia, Ekaterinburg, 8 Marta Street, 66); PhD, associate professor.

Телефон/Phone: +7 (343) 251-77-15. Электронная почта/E-mail: shumkina.77@mail.ru

Поскольку социальные группы различаются по типу локализации (одни «умещались» в одном населенном пункте (город, заводской поселок, село), другие – «расселялись» по всей стране), необходимо выбрать масштаб анализируемых объектов. Наиболее удобным представляется описание социальных ландшафтов в пределах губерний и областей. Основным источником данной работы послужил труд по демографии академика П.И. Кеппена⁸⁰⁷, в котором приведены подробные (но, как отмечает сам автор, весьма неточные) данные о народонаселении по губерниям и областям. При этом по большей части регионов Империи сведения даны по сословным группам. Исключение составили Финляндия, Царство Польское, губернии и области Кавказа. Помимо труда П.И. Кеппена в данной работе также использовались IX том Свода Законов Российской империи («Законы о состояниях») и устав IX народной переписи 1851 г.

В исторической литературе социальные группы, обладающие определенным набором передаваемых по наследству обязанностей и прав (прежде всего – правом на самоуправление), принято называть «сословиями». Однако в данном значении этот термин стал широко использоваться в исследованиях социологического характера только с середины XIX в. В законодательстве он применяется крайне редко и преимущественно в отношении к самоуправляемым коллективам (например, в IX томе Свода законов он был вынесен в заголовок лишь однажды – «Сословия духовенства Православного» (Раздел II Глава I Отдел IV) – здесь сословиями названы монастыри и церковные общины). Для обозначения статуса с определенным набором прав и обязанностей законодатель использовал термин «состояние». При этом «состояние» включало два элемента: «права состояния» – набор прав и обязанностей и «звание» – термин, маркировавший данный социальный статус. Поскольку одна часть социальных групп свой статус не передавала по наследству (некоторые статусы были вообще временными), а другая – не обладала правом на самоуправление, в данной работе мы будем использовать преимущественно термин «состояние» и, при необходимости, термины «социальная группа» и «сословная группа».

Выделяемые социальные ландшафты в тексте выделяются полужирным шрифтом, а специфические состояния, которые являются основанием для выделения территории в отдельный социальный ландшафт, – подчеркиванием.

Российское законодательство (которым определялись права состояний) действовало не на всей территории Империи. На **Финляндию** и **Польшу** оно вообще не распространялось – там функционировали свои самостоятельные системы права. На Кавказе оно действова-

⁸⁰⁷ Кеппен 1857.

ло ограниченно – в первой половине XIX в. права сословных групп коренного населения **Кавказа** не были кодифицированы российским законом. Таким образом, эти территории представляли собой особые социальные ландшафты.

Что касается остальных губерний и областей, то на их территории П. Кеппен перечисляет более 300 различных состояний. Около 2/3 состояний фиксируется только в одном регионе. Такое обилие уникальных, неповторяющихся социально-правовых статусов обусловлено двумя обстоятельствами. Во-первых, Закон перечислял немало уникальных состояний, фиксировавшихся только в одной или нескольких губерниях. По числу таких состояний лидировали губернии, образованные из недавно присоединенных земель, на которых преобладало нерусское население, либо территорий, на которых размещались государственное (или дворцовое) хозяйство и иррегулярные войска. Во-вторых, действовала общая установка зафиксировать «права состояния» каждого жителя Империи, притом, что прописать в Законе каждый конкретный случай практически не возможно. Поэтому переписчикам приходилось «изобретать» новые «звания» (например, в Астраханской губернии в переписные листы был включен единственный на всю Россию «индус-мещанин»).

Выделение социальных ландшафтов начнем с регионов, в которых локализовывались казаки и инородцы. Права и обязанности данных социальных групп регулировались специфическими источниками права. Свод законов Российской империи включает малую часть нормативных актов, регулировавших права и обязанности казачества (законы, регулировавшие права казаков-дворян, их отношения с крепостными и т.п.). Основным источником, фиксировавшим правовой статус казаков, был Свод военных постановлений. В отличие от казаков, инородцы, наоборот, удостоились одного из шести разделов «Законов о состояниях». Однако в этом разделе прописаны только те нормы, которые регламентировали переход инородца в другой социальный статус, а также отношения инородческого населения с государством и иными социальными группами. Закон очень слабо регулировал отношения в сообществе инородцев – они пользовались широкой внутренней автономией, и отношения между ними строились на традиционном праве. Исключение составляли только «западные инородцы» – евреи, чьи права и обязанности были прописаны весьма подробно. При этом евреи, в отличие от «восточных инородцев», должны были приписываться к одному из состояний «природных российских обывателей» – мещанам, купцам и т.п.

Казаки и «восточные инородцы» проживали в губерниях и областях Сибири, Кавказа, Волго-Донского междуречья, а также Причерноморья (казаки), в Архангельской губернии и во владениях Рус-

ско-Американской компании (инородцы). Хорошо известно, что на данных территориях крепостного права либо вообще не было, либо оно было распространено не существенно. Менее известно, что здесь существовали иные формы личной зависимости – «особенные разряды ограниченного крепостного состояния»: купленные или выменянные на оренбургской и сибирской линиях дети калмыков и киргиз-кайсаков и их потомки; приобретенные шотландскими колонистами в Ставропольской губернии невольники из горцев–магометан или язычников; кавказские холопы (привезенные из-за границы невольники – арабы и негры)⁸⁰⁸.

Рассмотрим особенности социальных ландшафтов пограничных (или как сейчас принято говорить – фронтирных) территорий с востока на запад, выделяя специфические, присущие только данным территориям состояния. Самые восточные регионы Российской империи находились в ведении Российско-Американской компании. В исследовании П. Кеппена население во **владениях Российско-Американской компании** перечислено не по состояниям, а по национальному признаку. Но по Перечню IX ревизии все состояния на данной территории были специфичными: «постоянно водворившиеся в Российско-Американских колониях люди податных состояний, исключенные из прежних обществ, но оставленные в тех же званиях с платежом податей от Правления Компании»; «служащие по ведомству Главного управления Российско-американской компании лица из податных званий»; креолы; оседлые инородцы в колониях Российско-американской компании и племена, живущие по берегам Америки⁸⁰⁹.

В **Сибири** удельный вес инородцев и казаков был весьма высок. В Камчатской области доля инородцев составляла более 60% (2,3 тыс. из 3,7 тыс. д.м.п.); казаков Камчатской городской казачьей команды – 19% (0,7 тыс. д.м.п.); в Якутской – инородцев было 97% (103 тыс. из 106 тыс. д.м.п.) (Якутский городской казачий полк учтен не был); Забайкальской области – инородцев 33,1% (60 тыс. из 181 тыс. д.м.п.), казаков Забайкальского войска 28,2% (51 тыс. д.м.п.); Иркутской губернии – инородцев 34,2% (53 тыс. из 155 тыс. д.м.п.), казаков Иркутского полка 2,6% (4 тыс. д.м.п.); Енисейской – инородцев 11,9% (16 тыс. из 134 тыс. д.м.п.), казаков Енисейского полка 3% (4 тыс. д.м.п.); в Тобольской и Томской губерниях, а также землях «киргизов сибирского ведомства» (казахов Среднего и Старшего жузов) инородцев – 32,5% (294 тыс. из 906 тыс. д.м.п.), казаков Сибирского линейного войска, Тобольского пешего батальона и Тобольского конного полка – 4,6% (42 тыс. д.м.п.)⁸¹⁰.

⁸⁰⁸ Свод законов 1857: Т. IX. Ст. 996.

⁸⁰⁹ Полное Собрание Законов 1850: Т. 25. № 23817.

⁸¹⁰ Кеппен 1857: 56-61, 65-66, 141-145, 157-158.

Кроме инородцев и казаков в Сибири были и другие специфические состояния: состоявшие на льготе крещенные инородцы (после принятия крещения инородец переходил в состояние государственных крестьян, но при этом ему предоставлялась временная льгота от уплаты податей и выполнения повинностей), поселяне (крестьяне-переселенцы), бухарцы, ссылные. Специфическим состоянием Томской губернии были горные крестьяне Алтайского горного округа; Тобольской – «состоявшие при винокуренных заводах», при «Омской суконной фабрике»; Иркутской – ремесленники Тельминской казенной фабрики; Забайкальской области – ссылные и заводские работники, штатные ламы в Сибири⁸¹¹. Права и обязанности данных социальных категорий были включены не IX том, а в другие тома Свода Законов, поэтому они из поля зрения исследователей, изучающих сословную структуру Российской империи, как правило, выпадают. Тем не менее, доля лиц данных специфических состояний была весьма заметной: в Тобольской и Томской губернии на их долю приходилось 15% населения (138 тыс. д.м.п.); в Иркутской – 5,2% (8 тыс. д.м.п.); в Забайкальской области – 24% (13 тыс. д.м.п.).

На Урале, в Пермской, Вятской и Уфимской губерниях, специфическими социально-правовыми группами являлись мастеровые и непрменные работники при казенных горных заводах, отставные нижние горные чины, непрменные (урочные работники) частных заводов. К ним также надо отнести «людей, приписанных по прежним узаконениям к посессионным заводам и фабрикам». Уникальными состояниями Пермской губернии были мастеровые Екатеринбургской гранильной фабрики и Дедюхинских соляных промыслов; Вятской – мастеровые и рабочие люди Ижевского завода. На их долю приходилось 9% населения (261 тыс из 2,9 млн д.м.п.). Инородческое население на Урале было представлено ясашными вогулами Пермской губернии и «киргизами Оренбургского ведомства» (казахами Младшего жуза); они составляли 10,3% населения (300 тыс д.м.п.). Значительная часть нерусского населения Урала была включена в состав казачьих войск, государственных крестьян и лашманов (в Вятской губернии). На долю Уральского, Оренбургского, Башкиро-мещеряцкого казачьих войск, тептярей и бобылей приходилось 19,1% населения Урала (556 тыс. д.м.п.)⁸¹².

Сочетание казачества и «восточных инородцев» в социальной структуре сохраняется **в губерниях «южного фронта»** – Астраханской и Ставропольской. В Астраханской губернии на долю инородцев (калмыков, киргизов (казахов) Внутренней (Букреевской) орды, туркменов, пришедших с Мангышлака и каракалпаков) приходилось 37,2%

⁸¹¹ Полное Собрание Законов 1850: Т. 25. № 23817.

⁸¹² Кеппен 1857: 37-39, 94-99, 103-105.

населения (86 тыс. д.м.п.), на долю казаков Астраханского войска – 3,5% (8 тыс. д.м.п.); в Ставропольской – на долю кочующих инородцев магометанской веры, осетин и черкесов – 16,7% (46 тыс. из 276 тыс. д.м.п.), на казаков Кавказского линейного войска – 47,1% (130 тыс. д.м.п.). В числе специфических состояний в Астраханской губернии были учтены: солеломщики и солевозчики при Эльтонском озере; татары, платящие подать 1,43 р.; армяне, платящие 2 р. с семейства; в Ставропольской – шотландские колонисты⁸¹³.

Рубеж между восточным и южным фронтиром, с одной стороны, и западными пограничными районами, – с другой, образовали **земли Донского и Черноморского казачьих войск**. В Области войска Донского казаки различных состояний составляли 75% населения (387 тыс. из 512 тыс. д.м.п.); большая часть оставшейся ¼ приходилось на крепостных, являвшихся собственностью потомственных дворян-казаков. В области Черноморского войска все учтенное население относилось к казакам (82 тыс. д.м.п.)⁸¹⁴.

К западу от этих регионов из нерусского населения к инородцам относились только евреи, но характер взаимодействия государства с ними, как уже отмечалось выше, был принципиально иным, чем с «восточными инородцами». Прочие группы нерусского населения были отнесены в IX томе Свода Законов к состояниям «природных российских обывателей». При этом специфика происхождения и статуса некоторых из этих социальных групп была настолько явной, что законодатель не смог включить их в общие для всей территории государства состояния (мещан, почетных граждан, государственных крестьян и т.д.). Поэтому в состав «городских обывателей» наряду с мещанами и купцами законодатель включил «вольных людей западных губерний», «граждан в городах западных губерний»; в состав «сельских обывателей» – малороссийских казаков, панцырных бояр, татар-поселян в Таврической губернии, обязанных поселян Тираспольского уезда, обязанных поселян в имениях, жалуемых на праве майоратов, царан, одноворцов Западных губерний, одноворцов Бессарабской области, Рупта-де-Вистерия и Рупта-де-Камара, вольных людей. Что касается иррегулярных войск, то к западу от Области войска Донского, в Причерноморских губерниях, их удельный вес в общей численности был незначительным.

В **Таврической губернии** – бывшем Крымском ханстве проживал целый ряд специфических состояний: татары-поселяне, свободные хлебопашцы (ногаи), караимы, магометанское духовенство (в отличие от прочего нехристианского духовенства магометанское духовенство Таврической губернии также как и священники христианских вероис-

⁸¹³ Там же: 130-131.

⁸¹⁴ Там же: 153.

поведаний не относились к податным состояниям), «казенные ученики садоводства», а также крымско-татарский эскадрон и греческий батальон. На их долю приходилось 63,9% населения губернии (209 тыс. из 327 тыс. д.м.п.)⁸¹⁵.

Для губерний **Новороссии** – Екатеринославской и Херсонской, общими были состояния вольных матросов и жителей Новороссийского военного поселения. Специфическими состояниями Екатеринославской губернии являлись поселяне из греков и армян; непременные работники Луганского завода и казаки Азовского казачьего войска; в Херсонской губернии – вольные штурманы, адмиралтейские поселяне ведомства Черноморского флота. В Екатеринославской губернии на специфические состояния приходилось 13% учтенного населения (62 тыс. из 465 тыс. д.м.п.), в Херсонской всего 31% населения (141 тыс. из 456 тыс. д.м.п.)⁸¹⁶.

Жители Украинского военного поселения определяли специфику социальной структуры в **Харьковской губернии** (14,6% – 99 тыс. из 678 тыс. д.м.п.). Других, специфических социальных групп в этой губернии зафиксировано не было⁸¹⁷.

Специфическим состоянием губерний **Малороссии** – Черниговской и Полтавской, являлись малороссийские казаки, утратившие в конце XVIII – начале XIX вв. статус воинского состояния, но не слившиеся окончательно с государственными крестьянами, за ними сохранялся ряд прежних прав и привилегий. В Полтавской на их долю приходилось 43% населения (350 тыс. из 812 тыс. д.м.п.), в Черниговской – 30% (199 тыс. из 674 д.м.п.). Специфическое состояние в Черниговской губернии образовывали нежинские греки⁸¹⁸.

В губерниях, «возвращенных от Польши» в последней трети XVIII в., – Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской и Подольской – сохранялись прежние сословные группы и были образованы новые. В числе прежних групп во всех этих губерниях были представлены вольные люди и крестьяне городских имений. Кроме них в каждой губернии были свои специфические состояния: в Виленской – неокладные татары; в Витебской – панцырные бояре; в Волынской – голендоры (потомки переселенцев из Голландии), крестьяне, принятые от духовенства, крестьяне Киевского университета, помонастырские крестьяне, конфискованные ординацкие крестьяне; в Гродненской – старостинские поселяне, крестьяне комитета Друскинецких минеральных вод; в Киевской – фабриканты Киево-Межигорской фаянсовой фабрики, жители Киевского

⁸¹⁵ Там же: 132-135.

⁸¹⁶ Там же: 54-55, 150-151.

⁸¹⁷ Там же: 148-149.

⁸¹⁸ Там же: 108-110, 152.

военного поселения; в Подольской – поселяне Острожской ординации, казенные ленные крестьяне, казенные майоратские крестьяне и жители Подольского военного поселения. Шляхта, которая не смогла подтвердить документально своего благородного происхождения, была переведена в категории «однодворцев Западных губерний» и в «граждан Западных губерний». Доля состояний специфических в учетном населении была высока в западных губерниях: в Гродненской – 35,5%, Волынской – 24,6%, Ковенской – 13,0%, Подольской – 10,9%. В восточных губерниях – незначительна: в Минской – 5%, Киевской – 4,8%, Виленской – 4,1%, Витебской – 1,7, Могилевской – 0,5%⁸¹⁹.

Среди губерний и областей с преобладавшим нерусским населением по разнообразию уникальных социально-правовых групп лидировала **Бессарабская область**, образованная в 1812 г. из присоединенных восточной части княжества Молдова и Буджака. Здесь сохранялись социальные группы, возникшие еще в Молдавском княжестве: бояринарши (уравненные в правах с личными дворянами), Рупта-де-Камара, Рупта-де-Вистерия (в скором времени они будут уравнены в правах с почетными гражданами), царане (государственные крестьяне, коренное отличие которых от крестьян других регионов Империи заключалось в праве владеть крепостными цыганами), цыгане дворовые крепостные, цыгане поселенные крепостные, цыгане городские, чоклы (гробокопатели). В южной части Бессарабской области – Буджаке, которая была заново заселена после того, как в Османскую империю откочевало местное тюркское население, возникли новые социальные группы – задунайские переселенцы (болгары и гагаузы), Дунайское казачье войско, некрасовцы; а также встречавшиеся в ряде других губерний немецкие колонисты и еврей-землепашцы. На эти социальные группы приходилось 64,7% населения области (308 тыс. из 476 тыс. д.м.п.)⁸²⁰.

В **Прибалтийских губерниях** еще в 1816-1819 гг. было отменено крепостное право; большая часть бывших крепостных входило в сословие государственных крестьян. Общими для этих губерний были состояния поселян пасторатских имений; поселян имений, принадлежащих городам и вольных людей (потомков переселенцев из Западной Европы). Уникальными для Эстляндской губернии являлись состояния мастеровых Ревельского Императорского Екатерининского дворца; вольных шведских крестьян на помещичьих землях и на пасторатских землях; положенных и не положенных в оклад поселян церковных и госпитальных мыз; поселян имений Воспитательного дома благородных девиц эстляндского дворянства; для Курляндской – свободных от платежа податей вольных людей Курише-Кёниге; для Лифляндской –

⁸¹⁹ Там же: 26-28, 33-34, 40-41, 69-73, 82-85, 106-107.

⁸²⁰ Там же: 23-26.

ученых В целом, доля специфических состояний в этих губерниях составляла 85-92% населения⁸²¹.

Лидером по числу уникальных состояний являлась столичная **Санкт-Петербургская губерния**. Здесь были перечислены такие, не встречающиеся в других губерниях состояния как: служители и рабочие люди при дворцах; государственные крестьяне, поселенные на обработанной англичанином Виллером земле близ Большой Охты; поселяне Гатчинского дворцового правления, Гоф-интендантской конторы, Александровской мануфактуры, коменданта Петербургской крепости, ведомства петербургского почт-директора, Охтенские поселяне; мастерские Ропшинской бумажной фабрики, Императорского стеклянного завода, Императорской Александровской мануфактуры, С.-Петербургского монетного двора, С.-Петербургской синодальной типографии, Гоф-Интендантской конторы, Императорской Петергофской гранильной фабрики, Императорского фарфорового завода, Императорского Александровского главного механического завода, Императорской шпалерной мануфактуры; поселяне, принадлежащие императорской фамилии На них приходилось 15% населения губернии (43 тыс. из 285 тыс. д.м.п.)⁸²².

Олонецкая губерния по числу уникальных состояний уступала столичной, но была в числе лидирующих в Империи. Здесь были зафиксированы обельные вотчинники и их крестьяне не положенные в оклад, обельные крестьяне, платящие только подушную подать, крестьяне (потомки людей, которым «за многие услуги царице Марфе Иоанновне (матери Михаила Федоровича) пожалованы были от царей грамоты на обеление»⁸²³), приписанные к Олонецким заводам, мастерские Александровского и Кончозерского заводов, мастерские Тивдийских мраморных ломок Гоф-Интендантской конторы (20% – 26 тыс. из 127 тыс. д.м.п.)⁸²⁴. В других губерниях русского севера специфических состояний было немного. В **Архангельской губернии** – инородцы – допари и самоеды Мезенского уезда (3% - 4 тыс. из 113 тыс. д.м.п.); в **Вологодской** – половники (0,7% – 3 тыс. из 417 тыс. д.м.п.)⁸²⁵. По своей социальной структуре они приближались к губерниям центральной России.

Для губерний **Центральной России** характерно полное отсутствие или незначительное число специфических состояний. Владимирская, Воронежская, Казанская, Калужская, Нижегородская, Орловская, Псковская, Тамбовская и Тверская специфических состояний не име-

⁸²¹ Там же: 76-77, 80-81, 156.

⁸²² Там же: 116-117.

⁸²³ Полное Собрание Законов 1850: Т. 25. № 10115.

⁸²⁴ Кеппен 1857: 92-93.

⁸²⁵ Там же: 19-20, 31-32.

ли⁸²⁶. Специфическим состоянием Костромской губернии были белопашцы (потомки Ивана Сусанина); Курской – крестьяне Глушковской суконной фабрики; Тульской – оружейники; Московской – крестьяне комиссариатского ведомства, дворцовые крестьяне; Новгородской – жители военных поселений, крестьяне Новгородского кадетского корпуса и люди Старорусского солеваренного завода; Орловского кадетского корпуса и крестьяне суконных фабрик; Рязанской – засечные сторожа, крестьяне Голицынской больницы; Пензенской – мурзы, мурзинские люди, отписные татары, новокрещенные, городские воротники; Саратовской – мастеровые Тальской бумажной фабрики; Симбирской – Кард-котный экипаж (охрана берегов Волги), лашманы; Самарской – состоящие при Эльтонском озере, смоленская шляхта, лашманы; Смоленской – крестьяне комиссии строительства Храма Христа Спасителя, крестьяне Орловского кадетского корпуса (кроме того, г. Смоленск со времен Речи Посполитой сохранил право на владение крепостными крестьянами); Ярославской – крестьяне Демидовского лица⁸²⁷.

Данная работа носит предварительный характер. Сделанные наблюдения, безусловно, будут подвергнуты корректировке при последующих исследованиях. Во-первых, был взят только один критерий для выделения социальных ландшафтов – социально-правовой статус подданного, его «состояние». При описании социальных ландшафтов также должны учитываться такие признаки, как конфессиональная принадлежность, этнический состав, социальная мобильность и др. Во-вторых, в этой работе социальные ландшафты выделялись на основании специфических, уникальных состояний, поэтому целый ряд состояний, фиксирувавшихся в нескольких губерниях (например, однодворцы и однодворческие крестьяне) или в большинстве губерний Империи (дворяне, духовенство, городские сословия, государственные, удельные и крепостные крестьяне), из поля зрения выпал. Их наличие или отсутствие тоже может быть критерием для прочерчивания границ между социальными ландшафтами. В-третьих, вероятно, более точный результат будет получен при описании социальных ландшафтов в масштабе уездов, а не губерний.

Тем не менее, данная работа показала, что понятие «социальный ландшафт» обладает достаточно высоким эвристическим потенциалом. Благодаря ему, «аморфная», «гибкая» и «усложненная»⁸²⁸ социальная структура Российской империи обретает четкую и вполне обозримую структуру.

⁸²⁶ Там же: 29-30, 35-36, 62-65 88-89, 99-100, 111, 136-138.

⁸²⁷ Там же: 74-75, 78-79, 86-87, 90-91, 101-102, 112-114, 115-116, 119-120, 127-129, 146-147, 159-160.

⁸²⁸ Фриз 2000: 142.

Список источников и литературы

- Кеппен 1857** – Кеппен П. Девятая ревизия. Исследование о числе жителей России в 1851 г. СПб., 1857.
- Полное Собрание Законов 1850** – Полное Собрание Законов Российской Империи: Собрание второе. Т. 25. СПб., 1850.
- Свод законов 1857** – Свод законов Российской империи. СПб., 1857.
- Фриз 2000** – Фриз Г. Сословная парадигма и социальная история России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. Антология. Самара, 2000.

Georgy N. Shumkin, Tatiana G. Shumkina
**SOCIAL LANDSCAPES OF THE RUSSIAN EMPIRE
IN THE MID-NINETEENTH CENTURY**

The article as a tool of analysis of social structures it is proposed to use the concept of "social landscape". Attempts to identify the social landscapes of the Russian Empire in the mid XIX century on the basis of specific caste groups. The conclusion about the considerable educational potential of this tool.

Key words: Russian Empire, class, social landscape, social structure, status.